

Научная статья
УДК 811.512.31
DOI 10.18101/2686-7095-2023-3-41-47

СЕМАНТИКА ПРЕДЕЛА: СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

© Бардамова Екатерина Александровна

доктор филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
bardam_k@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию специфики объективации абстрактной сущности предела в бурятском языке, отражающей мировосприятие и миропонимание носителей языка. Установлено, что в бурятской языковой картине мира осмысление предела, в состав которого включены *начало*, *конец*, *граница*, происходило в результате понимания места и положения, с одной стороны, и ориентации в пространстве — с другой, а также восприятия объекта описания в совокупности его частей, составляющих единое целое. В основе реализации идеи предела язык эксплуатирует модель динамического перемещения, которая позволяет передать точку отсчета и параметры достижения цели. В рамках данной модели используются *тупик*, *угол*, *вершина*, *бездна*, в которых количественный компонент помимо указаний на предел служит для измерения расстояния. Зооморфные и соматические номинации кодируют начальные и конечные пространственные ориентиры. К национально-специфичным автор относит *үзүүр* 'кончик, острие'.

Ключевые слова: пространство, семантика, компонент, номинация, предел, граница, начало, конец, зооморфизм, соматизм.

Для цитирования

Бардамова Е. А. Семантика предела: специфика репрезентации // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. Вып. 3. С. 41–47.

В настоящий момент описание семантики пространства проходит важный этап своего развития. Предметом исследования являются специфические пространственные средства смыслообразования и смысловыражения, наиболее общие закономерности связи между формой выражения и содержанием. У пространства особые отношения с семантикой, поскольку пространство, как и время, носит онтологический, т. е. познавательный, характер, поэтому пространственные представления эксплуатируются для осмысления других сущностей объективного мира. Ю. М. Лотман в своей ключевой работе «Семиотическое пространство» [10] выделил инвариантное пространственное понятие *граница*. По мнению ученого, *граница* разделяет миры: своих и чужих, живых и мертвых, города и деревни и т. д. Действительно, в осмыслении и концептуализации пространства понятие *предел* играет важную роль. Концептуальные признаки предела в русской языковой картине мира не раз становились предметом изучения [1; 5; 6; 11; 14]. Осмысление пространственного предела, по Н. Б. Мечковской, — результат широкого обобщения и высокого абстрагирования, исторически первая система координат [11, с. 109]. В лексико-семантическом поле предела в бурятском языке представлены как собственно лексические и фразеологические, так и словообразовательные и синтаксические единицы. В качестве предмета исследо-

вания выбраны лексические средства, объективирующие конечные и начальные пространственные точки. Анализ лингвистического материала показал, что концептуализация пространства в аспекте предельности его фрагментов позволяет носителю языка сегментировать пространственную безграничность в четком соответствии с особенностями чувственного восприятия, на котором и основывается их семантизация, ср.: *адаг хүүри* 'последнее место', *харгын хүбөө* 'край дороги', *газарай заха* 'глухомань, отдаленное место', *мухар харгы* 'конец дороги', *зүүн хилэ* 'восточная граница'¹.

Условное деление пространства на фрагменты служит основой ориентации в пространстве: *түрүү сэргэ* 'авангард, передовая' (букв. *впереди идущее войско*), *хойнохи* 'находящийся позади всех', *харгын мухар* 'тупик', *хадын орой* 'вершина горы', *газарай үзүүр* 'видимая даль, небосклон', *тэнгэрийн хаяа* 'горизонт'.

Используя антиномию *начала* и *конца*, можно описать объект или явление, не прибегая к конкретизации его отличительных признаков: *заха турууень шэлэхэ* 'положить начало', *аха заха болохо* 'становиться лидером', *гүн газар* 'глубь земли', *онгосын һүүл* 'корма лодки' (букв. *хвост лодки*), *заха хизааргүй* 'бескрайний', *туйлдаа хүрэхэ* 'дойти до предела', *мүрэнэй эхин* 'исток реки', *заха үзүүр* 'обрывки' и другие.

Установлено, что в концептуальном поле пространственного предела в бурятском языке манифестируют три когнитивных признака: 1) начало, которое отражает представления о наличии некоего состояния, не имеющего места до настоящего момента (пресуппозитивный); 2) конец, обозначающий пространственную или временную завершенность; 3) граница, эксплицирующая линию раздела между пространственными или временными промежутками. В лексико-семантическом поле предела, составленного методом сплошной выборки, находим существительные: *эхин, мухар, мулшэ, орой, сэг, һүүл, туйл, түгэсхэл, үзүүр, унги, хизаар, хилэ, заха, адаг, сээл, гүн, хүбөө, шэгшэг, эсэс*; прилагательные: *түрүү, захын, хизаарай, адагай, хилын, хизаартай, түрүүшын, һүүлшын, туйлай, эсэсэй, алас, анха, эхинэй*; глаголы: *һүүлтэхэ, эсэслэхэ, эхилхэ, мухардаха, туйлаха, түгэсэхэ, үндэһэжэхэ, хизаарлаха, хилэлхэ, захадань гараха, адаглаха, адагтаха, һүүл боохо, бүтээхэ, буураха, хүрэхэ, дүүргэхэ, бараха, баруулха, гараха, түрэхэ, үнгэрхэ, барантаха, захалха, түрүүлхэ, гүйдэлдөө орохо* и др.; послелог: *эхээр, һүүлдэ, захада, эсэсээр, түрүүндэ, эхилтэр*; наречия: *мулшөөр, һүүлээр, туйлай, түрүүн, түрүүнхи, түрүүшэг, түрүүшээр, захаа*; фразеологические обороты: *дабаан дээрэ* 'момент, непосредственно предшествующий наступлению чего-либо' (букв. *на горе*), *саана орохо* 'удаление за пределы чего-либо', *нохойн дуун ойртоо* 'дело идет к концу', *эхинээн һүүл хүрэтэр* 'от начала до конца', *һүүл боохо* 'завершить' (букв. *конец закрыть*), *уг таһа* 'вконец' и другие [3].

Слова с изучаемой семантикой в бурятском языке зачастую употребляются в составе устойчивых выражений, репрезентирующих представление о целом, где под началом и концом понимается единое неделимое пространство, ср.: *оройһоонь ула хүрэтэр* 'от начала до конца' (букв. *от макушки до подошвы*), *үзүүрһөө үзүүр хүрэтэр* 'от начала до конца' (букв. *от кончика до кончика*),

¹ Здесь и далее примеры приведены из Бурятского корпуса. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 14.03.2023). Текст: электронный.

эхинһээ адаг хүрэтэр 'от начала до конца'. Функционирование фразеологических оборотов подобного рода отражает результат когнитивных процессов осмысления носителями языка о целом пространственном объекте как о совокупности двух исходных точек.

В основе воззрений о пределе в бурятском языке лежат несколько логем.

Так, постижение пространственного и временного предела основано на идее динамического перемещения, которая чаще всего объективируется глагольными формами: например: *эсэстэнь хүргэхэ 'довести до конца'*, *үндэр добые дабажа гараха 'преодолеть высокую гору'*, *нютагтаа дүтэлхэ 'приблизиться к родным местам'*, *түрэлхидтөө тараха 'разъехаться по родственникам'*. Как видим, в глагольных контекстах идея *конца* реализуется указанием на достижение заявленной точки динамического перемещения [7]. В рамках названной модели концептуализации предела в бурятском языке используется идея тупика. Под концом в бурятском языке подразумевается периферийное, труднодоступное место в пространстве или дальняя точка на поверхности предмета: абсолютный конец возможен при наличии значительного расстояния от говорящего/наблюдателя до описываемого предела, ср.: *далайн захада 'на краю моря'*, *дэлхэйн мухарта 'на краю земли'*, *гүг гүнзэги 'бездна, пучина, заха хизаарта хүрэхэ 'достичь края'*, *заха булан 'захолустье'*. Языковое сознание выбирает *мухар 'тупик'* для обозначения конечной точки ввиду подразумеваемого отсутствия возможности дальнейшего передвижения, тупик служит символом окончания или прекращения движения или изменения его направления: *туйл 'предел, конец'*, *газарай мухарта 'в глуши'* (букв. *на краю земли*), *адаг һүбөө яһан 'самое последнее ребро'*, *мухардашаха 'окончиться тупиком'*, *адаглуулха 'доводить до конца, кончать'*. На основе семантической близости *тупика* и *конца* сформировался экспрессивный оценочный компонент, эксплицирующий исчерпанность жизненных, личностных и нравственных сил: *адагтаха 'занимать последнее место'*, *хамагай адаг 'худший'*, *хэмтэ газар 'место погребения'* и др. Подобную семантическую деривацию демонстрирует *бүглүү 'закрытый, глухой'*, ср.: *бүглүү газарта нууха 'жить в захолустье'*, *бүглэхэ 'обманывать, втирать очки'*.

Для обозначения пространственного предела бурятский язык эксплуатирует идею угла, например: *заха булан 'захолустье'*, *Европын булан 'край Европы'*, *тохой газарай буланда 'в глуши'*, *заха булангай 'отдаленный, захолустный'*, *алишье буланһаа 'со всех концов'*.

Следует отметить, что данная вторичная номинация имеет место и в русском языке: *таежный угол, в глухом, деревенском углу, дрянной угол, медвежий угол*. Появление дискретного значения 'находящийся в глуши' стало возможным благодаря наличию в семантической структуре семантического инварианта 'место, где сходятся внешние и внутренние стороны предмета'. Схема наращения смысла может выглядеть следующим образом: место, ограниченное двумя сходящимися сторонами, → на границе → близко к краю → на краю местности → в тупике → в глуши. Метафорическое переосмысление *угла* представляет собой одну из разновидностей метафоры тупика.

В репрезентации начальной и конечной точки в пространстве и на оси времени в бурятском языке используется зооморфные номинации, характерные для категоризации кочевниками воспринимаемых объектов окружающего мира в соответствии с представлениями о размере и строении животного: *үбэлэй хүүл 'ко-*

нец зимы', *һүүл зүүхэ* 'быть в хвосте', *һүүл даража ерэхэ* 'опоздать', *һүүлдэ* 'потом, в конце', *онгосын һүүл* 'корма лодки' (букв. *конец лодки*). Осмысление пространственного и временного предела происходило с использованием границ тела животного, хвост выступил символом некоего конца.

Конец в бурятском языке предстает в виде вершины или бездны: *мундаргын орой* 'вершина гольцов', *сээл нүхэндэ* 'в глубокой яме', *гүн ехэ шэлын үбэр орохо* 'возобратиться на самую вершину хребта', *хярын орой* 'гребень горы' и др. Исходная сема пространственной удаленности конца в языковом сознании связана с нормой и мерой границ объектов. В приведенных примерах фиксируется аномальная протяженность объектов природного мира по вертикали, максимальная величина дистанции служит основой появления нового диффузного значения конечной точки описываемого объекта. При этом количественный компонент размера в языке подвергается оценке и получает способность выступать в качестве основания для измерения расстояния в пространстве: *Арбан гурбан һарьдагые алад гаража талимба һэн ха* 'тринадцать гольцов, бывало, преодолевал' (Х. Намсараев).

Для номинация границ применяется *можсо* 'бедренная кость', в результате метафорического переосмысления которого возникли частные значения 'группа', 'область', 'кучка', 'группировка', ср: *хоёр можсо болгоо* 'образовали два района', *Сан хэнгэрэгэй абяан доро тэдэнэр һубарилдан, хори-хорин хүнэй можсо болон жагсаашабад* 'Под звуки барабана и тарелок они построились, разделившись на две группы по двадцать человек' (Д. Батожабай).

Другим мериллом всех пространственных объектов, как известно, выступают части человеческого тела. В соответствии с кодом человеческого тела голова как самая верхняя часть служит для кодирования верхней или передней исходной точки пространственных объектов, а глагольные производные от существительного *толгой* помимо всего прочего актуализируют 'направление движения': *хадын толгойдо* 'на вершине горы', *толгойн харгыгаар* 'по дороге через хребет', *онгосын толгой* 'нос лодки', *сэсэгэй толгой* 'цветок' (букв. *голова цветка*), *со-моо толгойлхо* 'вершить копну сена', *баруун тээшэ толгойлхо* 'направляться на восток'. К национально-специфическим и весьма продуктивным для бурятского языка можно отнести соматизм *яһан* 'кость'. К деривационно-смысловым отношениям лексемы относятся указания на принадлежность к одному этносу: *бурят яһанай* 'бурят'; к какому-либо бурятскому роду: *готол яһанайбта?* 'вы из рода готол?'; описание соматического состояния: *арһа яһан хоер* 'исхудавший, истощенный', *яһынь гарагаха* 'лишить всех сил, крайне утомить', *яһа гараха* 'выбиться из сил'; на возраст: *үмхи яһан* 'старые кости' и даже смерть: *яһаа хаяха* 'умирать'; на душевное состояние: *яһаа ябтайха* 'беспокоиться о ком-либо', *яһынь дайруулха* 'задевать за живое'; прочность материала, из которого сделано изделие: *яһан хатуу* 'твердый как кость' и др. Источником полисемии *яһан* 'кость' выступает исходное значение «составная часть опорно-двигательного аппарата человека», инвариантный признак «часть целого» позволяет кодировать многие объекты и явления окружающего мира, рассматриваемые в аспекте части и целого. В таком же плане употребляются и лексема *можсо* 'группировка, кучка', сема предела которой стала возможной в результате действия процесса отделения части от целого.

К национально-специфическим обозначениям начала, исходной позиции начала движения в бурятском языке можно отнести соматизм *ара* 'спина, задняя, тыльная часть', например: *ара хадаһаа зүүн гар тээшээ талийха* 'от северной горы на восток отправиться' (диал.), *ара талаһаа орохо* 'приехать с тыльной стороны', *талын араһаа марьяжа дүтэлхэ* 'тихонько приблизиться с северной стороны' и т. д. Появление неспецифических значений у лексемы *ара* стало возможным в результате особенностей ориентации в пространстве, закрепившейся в бурятской языковой картине мира, согласно которой любой объект принимает неизменную позицию относительно сторон света, а именно: находится лицом к югу, спиной к северу. В соответствии с данной ориентацией *ара* 'спина, задняя часть' всегда служит отправной точкой при перемещении на местности. В обозначении ориентиров начальной точки в пространстве язык использует также *магнай* 'лоб' для обозначения передовой, впереди идущей части объекта: *магнай сэрэг* 'передовые части войска', *магнай сэрэгүүдэй магнайда ябаһан гвардейскэ полк* 'наш передовой гвардейский полк'.

Одним из продуктивных признаков, заложивших основания для обозначения предела, является отделение. Отделение одного пространственного сегмента от другого подразумевает наделение номинируемого сегмента определенными границами. В бурятском языке семантика таких единиц, как *тээлниг* 'огороженное место для пастьбы телят', *хаамаг* 'загородка', *хашаа* 'загон для скота', *хорёо* 'изгородь', *бүлэг* 'группа, кучка', эксплицирует идею границы, инвариантную для глаголов, от которых они образованы, ср.: *тээглэхэ* 'запирать на засов, ставить перекладину', *хааха* 'закрывать, загонять, преграждать', *хашаха* 'припирать, загонять', *бүлэглэхэ* 'разделять на части'. Границы устанавливаются и понимаются носителями языка как средство создания своего пространства, в котором укрепляются состояние и безопасность [9; 13].

Для начальной точки бурятский язык выбирает метафору *острия*, например в таких выражениях: *модонной үзүүр* 'верхушка дерева', *үзүүргүй* 'не имеющий конца', *аралай үзүүр* 'береговая кромка озера', *үзүүр үгы модондо* 'нет начала у дерева', *тайгын хүйтэн булагай үзүүр дээрэнэ түрэнэнби* 'родился у истока холодного таежного родника' (букв. у начала таежного холодного родника я родился). При этом амбивалентность семантики *үзүүр* позволяет лексеме с одинаковой частотностью служить для обозначения конечных точек, ср.: *үзүүраар һууһан* 'живущие по окраине' (букв. живущие на острие), *унагай үзүүр* 'конец стропил юрты'. Синкретизм понятий начала и конца не раз отмечался в лингвистической литературе [2; 8; 12] и, по-видимому, является семантической универсалией, восходящей к истокам осмысления предела как такового и зиждется на обыденном понимании целостности пространства, возможности совпадения начала и конца.

В обозначении начальной точки участвует *эхин* 'начало', исходным значением которого выступает признак основания, актуализирующий идею устойчивого установления, позволяющего вступить в силу чему-либо, ср.: *эхи татаха* 'положить начало', *эхин һургули* 'начальная школа', *эхин газар* 'исходная позиция', *эхин һуури табигша* 'основоположник'.

Для начала характерно указание на положение или состояние, которое предшествует всем другим объектам описания, например: *түрүү ябаха* 'идти впереди', *үндэһэн һуури* 'основа, база', *эхин эмхи* 'первичная организация', *түрүү айл* 'предыдущий дом'.

С целью объективации абстрактной сущности начала в языке применяется фитосимвол *үндэһэ* ‘корень’, представляющий большие возможности для актуализации идей источника роста и основание развития: *үндэһэн эшэ* ‘основание, база’, *эмидхэхы үндэһэн* ‘организующее начало’, *үндэһэжэхэ* ‘вести начало, происходить’, *үндэһэн һуури табигша* ‘основоположник’.

Анализ лексических единиц описываемого семантического поля предела в бурятском языке показал синкретизм, существовавший на начальной стадии развития данных понятий и нашедший отражение и в современном использовании лексем. При этом семантика конца гораздо более продуктивна, чем у репрезентантов начала. Для обозначения конца продуктивно применяются идеи *результата, тупика, вершины* или *бездны, предела* с использованием *соматизмов* и *зооморфизмов*, актуализирующих значительную удаленность от субъекта описания. Понятие начала в пространстве связано с тем, что находится впереди, поэтому во вторичной номинации задействованы идеи *вершины, края, корня* в рамках растительной метафоры, *основания* или *установления*, в глагольных реализациях — *начальная стадия передвижения*.

Метафора результата напрямую связана с названным выше переосмыслением. Конец предполагает завершение описываемой чаще всего динамической ситуации, в результате которого и достигается искомая цель. В таком значении выступают в основном глаголы, большинство из которых обозначает результативное целенаправленное действие: *эсэстэ хүрэтэр* ‘до конца’, *туйлаха* ‘достигать, добиваться, преодолевать’, где *туйл* — конец, предел, *түгэсэхэ* ‘заканчиваться, завершаться’, *захадань гараха* ‘приблизиться к завершению’, *адаглаха* ‘дойти до конца’, *һүүл боохо* ‘завершить’ (букв. хвост завязать), *хүрэхэ* ‘достичь’, *дүүргэхэ* ‘закончить’, *бүтээхэ* ‘выполнить’ и др. Под *концом* подразумевается такое положение, которое было запланировано и явилось естественным итогом какой-либо деятельности.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. О новом, первом и последнем // Логический анализ языка: язык и время. Москва: Индрик, 1991. С. 48–57. Текст: непосредственный.
2. Арутюнова Н. Д. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. Москва: Индрик, 2002. С. 3–18. Текст: непосредственный.
3. Бардамова Е. А. Репрезентация пространственных представлений в бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2021. 176 с. Текст: непосредственный.
4. Гак В. Г. Семантическое поле конца // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. Москва: Индрик, 2002. С. 50–60. Текст: непосредственный.
5. Гуревич В. В. О «субъективном» компоненте языковой семантики // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. 27–35. Текст: непосредственный.
6. Дамбуева П. П. Страдательные причастия на *-аатай*, *-ээтэй* в современном бурятском языке // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. Вып. 2. С. 33–40. Текст: непосредственный.
7. Ермакова О. П. Существует ли в русском языке энантиосемия как регулярное явление. Вспоминая общую этимологию *начала* и *конца*. Логический анализ языка. Семантика начала и конца. Москва: Индрик, 2002. С. 61–68. Текст: непосредственный.
8. Инютина Л. А. Данные региональных исторических словарей для реконструкции сибирской пространственной картины мира XVII в. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. Вып. 3. С. 98–102. Текст: непосредственный.

9. Лотман Ю. М. Семиосфера // Внутри мыслящих миров. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2000. 704 с. Текст: непосредственный.

10. Мечковская Н. Б. Концепты «начало» и «конец»: тождество, антонимия, асимметричность // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. Москва: Индрик, 2002. С. 107–120. Текст: непосредственный.

11. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. Москва: Академия, 2004. 432 с. Текст: непосредственный.

12. Топорова Т. В. Семантическая структура дранегерманской модели мира. Москва: Радикс, 1994. 191 с. Текст: непосредственный.

13. Шмелев А.Д. Из пункта А в пункт Б // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. Москва: Индрик, 2002. С. 181–191. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 01.04.2023; одобрена после рецензирования 20.05.2023; принята к публикации 14.06.2023.

SEMANTICS OF THE LIMIT: THE SPECIFICITY OF REPRESENTATION

Ekaterina A. Bardamova

Dr. Sci. (Phil.), A/Prof. of Russian Language and General Linguistics Department

Dorzhi Banzarov Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

bardam_k@mail.ru

Abstract. The article considers the specificity of objectification of the abstract essence of the limit in the Buryat language, which reflects the worldview and understanding of the world of native speakers. It has been established that in the Buryat language picture of the world, the comprehension of the limit, which includes the *beginning*, *end*, and *boundary*, was a result of understanding the place and position, on the one hand, and orientation in space, on the other, as well as the perception of the object of description in the aggregate of its parts, constituting a single whole. At the core of the idea of limit, the language exploits the model of dynamic movement, which allows transferring the starting point and parameters for achieving the goal. This model uses the concepts *a dead end*, *an angle*, *a peak*, and *an abyss*, in which the quantitative component, in addition to indicating the limit, serves to measure the distance. The zoomorphic and somatic nominations encode initial and final spatial landmarks. We consider *γзγр* 'point, peak' to be nationally specific.

Keywords: space, semantics, component, nomination, limit, boundary, beginning, end, zoomorphism, somatism.

For citation

Bardamova E. A. Semantics of the Limit: The Specificity of Representation. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2023; 3: 41–47 (In Russ.).

The article was submitted 01.04.2023; approved after reviewing 20.05.2023; accepted for publication 14.06.2023.